

Александр Грин

Борьба со смертью

Александр Грин
Борьба со смертью

«Public Domain»

1918

Грин А. С.

Борьба со смертью / А. С. Грин — «Public Domain», 1918

«– Меня мучает недоделанное дело, – сказал Лорх доктору. – Да: почему вы не уезжаете? – Любезный вопрос, – медленно ответил Димен, сосредоточенно оглядываясь. – Кровать надо поставить к окну. Отсюда, через пропасть, виден весь розовый снеговой ландшафт. Смотрите на горы, Лорх; нет ничего чище для размышления. – Почему вы не уезжаете? – твердо повторил больной, взглядом заставив доктора обернуться. – Димен, будьте откровенны...»

Содержание

I	5
II	6
III	8
IV	9

Александр Степанович Грин

Борьба со смертью

I

– Меня мучает недоделанное дело, – сказал Лорх доктору. – Да: почему вы не уезжаете?
– Любезный вопрос, – медленно ответил Димен, сосредоточенно оглядываясь. – Кровать надо поставить к окну. Отсюда, через пропасть, виден весь розовый снеговой ландшафт. Смотрите на горы, Лорх; нет ничего чище для размышления.

– Почему вы не уезжаете? – твердо повторил больной, взглядом заставив доктора обернуться. – Димен, будьте откровенны.

Лорх лежал на спине, повернув голову к собеседнику. Заостренные черты его бескровного лица, обросшего лесом волос, выглядели бы чертами трупа, не будь на этом лице огромных, как бы вывалившихся от худобы глаз, сверкающих морем жизни. Но Димен хорошо знал, что не пройдет двух дней, – и болезнь круто покончит с Лорхом.

– Мне здесь нравится, – сказал Димен. – Меня хорошо кормят, я две недели дышу горным воздухом и быстро толстею.

Лорх с трудом поднес к губам папиросу, закурил и тотчас же бросил: табак был противен.

– Меня мучает недоделанное дело, – повторил Лорх. – Я расскажу вам его. Может быть, вы тогда поймете, что мне надо знать правду.

– Говорите, – сердито отозвался Димен.

– На днях приедет Вильтон. В его руках все нити новой концессии, я лично должен говорить с ним. Если я не смогу говорить лично, важно, не откладывая, подыскать надежное лицо. Меня не испугаете. Да или нет?

– Третий день вы допрашиваете меня, – сказал доктор. – Ну, я скажу. Вы, Лорх, умрете, не позже как через два дня.

Лорх вздрогнул так, что зазвенели пружины матраца. Он взволновался и сразу еще более ослабел от волнения. Стало тихо. Доктор с лицом потрясенного судьи, объявившего смертный приговор, – встал, хрустнул пальцами и подошел к окну.

Больной едва слышно рассмеялся.

– Вильтон, положим, не приедет, – насмешливо сказал он, – и нет у него никакой концессии. Но я узнал, что нужно. Кровать действительно можно переставить к окну.

– Вы сами... – начал Димен.

– Сам, да. Благодарю вас.

– Наука бессильна.

– Знаю. Я хочу спать.

Лорх закрыл глаза. Доктор вышел, распорядился оседлать лошадь и уехал на охоту. Лорх долго лежал без движения. Наконец, вздохнув всей грудью, сказал:

– Какая гадость! Просто противно. Какая гадость – повторил он.

II

Лорх заснул и проснулся вечером, когда стемнело. Он не чувствовал себя ни хуже, ни лучше, но, вспомнив слова доктора, внутренне ошетинился.

– Еще будет время размыслить обо всем этом, – сказал он, придавливая кнопку звонка. Вошла сиделка.

Лорх сказал, чтобы позвали племянника.

Его племянник, широкий в плечах, немного сутулый молодой человек двадцати четырех лет, в очках на старообразном, белобрысом лице, услышав приказание дяди, сказал недавно приехавшей сестре:

– По-видимому, Бетси, мы выиграли. Ты уже плакала у него?

– Нет. – Бетси, дама зрелого возраста, торговка опиумом, находила, что слезы – большая роскошь, если можно обойтись и без них.

– Нет, я не плакала и плакать буду только постфактум. Завещание в твою пользу.

– Как знаешь. Я иду.

– Ступай. Намекни, что я хотела бы тоже увидеть его сегодня.

Вениамин сильно потер кулаком глаза и ласково постучал в дверь.

– Войди, – сурово разрешил Лорх.

Вениамин, страдальчески играя глазами, подошел к постели, вздохнул и сел в прямолинейной позе египетских сидящих статуй.

– Дядя! Дядя! – усиленно горько сказал он. – Когда же, наконец, вы встанете? Ужас повис над домом.

– Слушай, Вениамин, – заговорил Лорх, – сегодня я говорил с доктором.

Он приостановился. Вениамин заблаговременно поднес руку к очкам, чтобы, сняв их в патетический момент – ни раньше, ни позже, – оросить слезами платок.

Лорх смотрел на него и думал:

«У малого три любовницы, – две – наглые, красивые твари, а третья – дура. Сам он – прохвост. Он подделал три моих векселя. Меня он ненавидит, согласно его речи в Спартанском клубе. Сколько получил он за это выступление – неизвестно, но сплетен развел порядочно и провалил меня в окружном списке. Для такой компании мой миллион – короткая жвачка».

– О! Надеюсь, доктор... Дядя! Вы спасены?! – с натугой вскричал племянник.

– Подожди. Мне жалко вас, – тебя, милый, и Бетси, очень жалко...

– Дядя! – разученно зарыдал Вениамин, – скажите, что этого не будет... что вы пошутили!

– Нисколько. Вы должны примириться с судьбой.

– Боже мой?!

– Да.

– Итак – примириться?! Родной и дорогой дядя...

– Хорошо, спасибо. Я хочу сказать, что моя болезнь прошла спасительный кризис, и я, через сутки, самое большое, – снова буду петь басом «Ловцы жемчуга».

Вениамин оторопел. Прилив грубой злобы заставил его вскочить, но он вовремя перевел порыв этого чувства в нескладное ликование:

– Вот свинья Димен!.. Он мог бы сказать нам... Не мучить нас! Поздравляю, милый дядя! Живи и работай! Я ожидал этого!

Лорх посмотрел на темную замочную скважину, достал через силу из-под подушки револьвер и выпалил в потолок.

Племянник отпрыгнул. За дверью раздался визг: там кто-то упал. Вениамин, открыв дверь, показал себе и Лорху растянувшуюся Бетси.

– Как вы любите это дело, Бетси! – кротко сказал Лорх.

– Дура! – зашипел брат сестре, подымая ее. – Спокойной ночи, дядя! Вам теперь нужен покой!

– Как и вам, – холодно сказал Лорх.

Родственники ушли. В гостиной Бетси заплакала тяжелыми ненавидящими слезами. Вениамин вынул из букета розу, понюхал и свернул цветку венчик.

– Он врет. Он злобно мучает нас, – сказал племянник. Бетси высморкалась. Они сели рядом и стали шептаться.

III

По приказанию Лорха, кровать была передвинута к окну. Стояли жаркие ночи.

Дом был построен на самом краю пропасти – меж стеной и отвесом бездны оставалась тропинка фута два шириной. Лорх видел в россыпи белых звезд полную, над горным хребтом, луну; ее свет падал в пропасть над непроницаемым углом тени. Смотря за окно в направлении ног, Лорх видел на обрыве среди камней куст белых цветов. Он думал, что цветы эти останутся, а его, Лорха, не будет.

Тогда, решив продолжать жить, он тщательно привел мысли в порядок и понял, что самое главное, – побороть слабость. Лорх резко поднялся. Голова закружилась. Он стал, сидя, раскачиваться; затем, взяв с ночного столика нож, ударил себя им в бедро. Резкая боль вызвала тревогу сердцебиения; кровь бросилась в голову. Лорх вспотел; пот и ярость сопротивления дали его душе порывистую энергию, сопровождающуюся жаром и дрожью.

Не говоря уже о том, что каждое движение было ему невыразимо противно (Лорх хотел бы отдаться болезненному покою), всякое представление о движении казалось совершенно ненормальным явлением. Несмотря на это, Лорх, как загипнотизированный, встал и упал на пол. Сапоги лежали возле него; он, лежа, натянул их, затем, поймав ножку кровати, – встал, уселся и принялся одеваться. Когда он закончил это дело, его бросало из стороны в сторону. Новый припадок головокружения заставил его несколько минут лежать, уткнувшись лицом в подушку. После этого его стошнило; жадно возжелав пить, он весь облился водой, но осушил графин и выбросил его в пропасть. Затем он направился расползающимися ногами к двери, но попал к печке. От печки Лорх направился снова к двери, но печка вновь приветствовала его и он держал ее в объятиях пять минут. Когда он попал, наконец, к двери, в комнате было все опрокинуто. Лорх опустился на четвереньки, чтобы не производить шума, полчаса потратил на то, чтобы нащупать головой, в темноте, дверцу буфета, отыскал и стал пить коньяк.

Несмотря на строжайшее запрещение доктора употреблять даже крепкий чай, не говоря уже о вине, – Лорх, без передышки, вытянул бутылку крепкого коньяку и впал в того рода исступление, когда, независимо от обстоятельств, человек с пожаром в голове и бурей в сердце, занятый одной мыслью, падает жертвой замысла или одолевает его. Таким замыслом, такой мыслью Лорха явился бассейн. Это был четырехугольный цементный водоем, куда лился горный, ледяной ключ. Удар вина временно воскресил Лорха; шатаясь, но лишь в меру опьянения, мокрый от пота, с облющенной папиросой в зубах, прошел он боковым коридором во двор, сполз в бассейн, – как был, – в сапогах и костюме, окунулся, мучительно задрожал от холода, вылез и направился обратно в спальню.

Сырой мороз родника согнал все возбуждение организма к неимоверно обремененной мыслями голове. Сердце стучало как пулемет. Лорх думал обо всем сразу, – от величайших мировых проблем до кирпичей дома, и мысль его молниеносно озаряющим светом проникала во все тьмы тем всяческого познания. У буфета он принял вторую порцию огненного лекарства, но этот прием сильно бросился в ноги, и Лорх вынужден был восстановить равновесие с помощью дуплета. У кровати он задумчиво осмотрел различные, на полу, склянки с лекарством и лужу, образовавшуюся на месте его стояния. Затем он перелез подоконник, прошел, несколько трезвея, вдоль стены, к кусту белых цветов, оборвал их, вернулся и лег, раздевшись, под одеяло, бросив предварительно на него все брюки и пиджаки, какие нашел в шкафу. Сделав это, он вытянулся, приятно вздрогнул и – вдруг – потерял сознание.

IV

– Он не просыпался за это время? – спросил Димен сиделку.

– Нет. Даже не повернулся.

– Где же вы были? Во время припадка прошлой ночи больной мог выброститься из окна в пропасть. Все было перебито и опрокинуто. Он пил вино, купался. Это агония!

– Вы знаете, доктор, больной всегда гнал меня вон из спальни. Каюсь – я вздремнула... но...

– Идите; дело все равно кончено. Позовите Вениамина и Бетси.

Вошли родственники: два вопросительных знака, пытающихся стать восклицательными.

– Ну – вот что, – сказал Димен, – дело кончится не позже, как к вечеру. Выходка (вероятно – горячечный приступ) имела следствием, как видите, – полное беспамятство. Пульс резок и неровен. Дыхание порывистое. Температура резко упала, – зловещее предвестие. Надо... нам... приготовиться... сделать распоряжения.

Бетси, сверкнув бриллиантами красных рук, закрыла лицо и искренне зарыдала от радости. Вениамин молитвенно заломил руки. Доктор расстроился.

– Общая участь всех нас... – жалобно начал он.

Лорх проснулся. Взгляд его был стремителен и здоров.

– Принесите поесть! – крикнул он. – Я во сне видел жаркое. Принесите много еды – всякой. Хорошо бы пирог со свининой, коньяку, виски, – всего дайте мне – и много!